

ЗА ГРАНИЦА ЗВОЛЯЮЩА КРОВЬ НА СЧЕТУ

18+

© Бабинович Павел

Павел Бабинович

**За гранью эволюции:
кровь на снегу**

«Автор»

2026

Бабинович П. А.

За гранью эволюции: кровь на снегу / П. А. Бабинович —
«Автор», 2026

Аннотация Йен Фир не герой — он геолог, человек, который читает камни. После катастрофы на острове «Эребус» он возвращается с пустотой в груди и соглашается работать на «Феникс» — корпорацию, создавшую этот ад. Не из веры в них. Просто чтобы чем-то заполнить тишину. Но тишина заканчивается сигналом. Слабый писк ведёт на Аксель-Хейберг — заброшенный арктический остров, где пропала группа Генри. Йен собирает команду и вытаскивает из добровольного затворничества единственного, кто видел динозавров вблизи и выжил, — палеонтолога Конора. На острове их ждут белые пернатые хищники, приспособленные к холоду, — ютарапторы, криолофозавры, тираннозавр. Здесь кровь на снегу — не метафора, а единственный пейзаж. Здесь гибнут те, кого любишь, а спасение приходит оттуда, откуда не ждёшь. И выясняется, что островов не пять, а семь, что «Феникс» строит заповедники в городах и что кто-то очень не хочет, чтобы выжившие заговорили.

© Бабинович П. А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	26
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Павел Бабинович
За гранью эволюции: кровь на снегу

Глава

Глава 1

Пролог. Пепел на снегу

Часть I. Выбор

Йен Фир не был героем. Он никогда им не был. Он был геологом. Человеком, который читает камни. Человеком, который знает, где треснет земля. И где рухнет всё остальное.

После острова «Эребус» он вернулся на материк с пустотой в груди. Не с болью. Боль была у Лоры. У Франка. У тех, кто потерял друзей. У Йена была пустота. Такая же, как у Конора. Только Йен не замкнулся в доме. Он не мог. Ему нужно было работать. Нужно было чем-то заполнить тишину. И «Феникс» — корпорация, которая создала этот ад, — предложила ему контракт.

Он согласился. Не сразу. Сначала он отказался. Потом — снова отказался. А потом — согласился. Потому что деньги. Потому что работа. Потому что больше никто не предлагал. Никто не хотел геолога, который видел, как умирают люди. Никто не хотел человека, который знает, что наука может всё — и не знает, что с этим делать.

Маркус Вейл узнал об этом через месяц. Он позвонил Йену. Долго молчал. Потом сказал:

— Ты знаешь, что они сделали.

— Знаю.

— И всё равно идёшь.

— Да.

— Почему?

Йен помолчал. Посмотрел в окно. За окном шёл дождь. Такой же, как на острове. Такой же, как всегда.

— Потому что кто-то должен. Потому что если не я — то кто? Потому что я хочу знать, что они скрывают. И потому что... — он замолчал. Подбирал слова. Не нашёл. — Потому что мне нечего терять.

Маркус вздохнул. Тяжело. Как человек, который слишком долго живёт с грузом ошибок.

— Ты ошибаешься, Йен. Тебе есть что терять.

И отключился.

Йен стоял с телефоном в руке. Смотрел на экран. На имя Маркуса. На — всё. Он знал, что тот прав. Но не мог признать. Не сейчас. Не — здесь. Может, потом. Может, — никогда.

Часть II. Дом

Йен жил в маленькой квартире на окраине города. Дом был старым — серым, с облупившейся краской и ржавыми балконами. Лифт не работал уже год. Может, два. Йен поднимался пешком — на четвёртый этаж, каждый раз задыхаясь, каждый раз проклиная всё на свете. Каждый раз обещая себе, что переедет. Каждый раз не переезжая. Потому что не было сил. Потому что не было денег. Потому что не было — ничего.

Квартира была маленькой. Кухня. Ванная. Две комнаты. Одна — его. Другая — её. Октавии. На стенах — фотографии. Старые. Выцветшие. На одной — Йен и женщина. Молодая. Светловолосая. Смеётся. На другой — Йен, женщина и маленькая девочка. Девочка улыбается. Держит за руку мать. На третьей — только Йен и девочка. Женщины нет. Её вырезали. Или — она сама ушла. Из кадра. Из жизни. Из — всего.

Йен не убрал фотографии. Не потому, что хотел помнить. Потому, что не хотел забывать. Потому, что боль — это тоже память. А память — это жизнь. Которая продолжается. Назло. Вопреки.

Он пришёл домой поздно. Усталый. Мокрый. Злой. Открыл дверь. Вошёл. В квартире пахло едой. Тёплой. Домашней. Живой. На кухне что-то шипело. Что-то варилось. Кто-то готовил.

— Пап? — голос из кухни. Молодой. Женский. Знакомый.

— Я, — ответил Йен. Снял куртку. Повесил на крючок. Прошёл на кухню.

Октавия стояла у плиты. Спиной к двери. В фартуке. С ножом в руке. Нарезала овощи. Ей было шестнадцать. Она была красивой. Брюнеткой с голубыми глазами. Стройной. Высокой. Не похожей на мать. Не похожей на отца. Похожей — на себя. На ту, кем она стала. На ту, кем — будет.

Она обернулась. Улыбнулась. Слабо. Едва заметно. Но это была — улыбка. Настоящая. Живая. Её.

— Ты поздно, — сказала она. Не упрёк. Просто факт.

— Знаю. Прости.

— Всё нормально. Я оставила тебе ужин. Садись.

Он сел. Она поставила перед ним тарелку. Села напротив. Смотрела, как он ест. Молчала. Ждала.

— Как дела в колледже? — спросил он. Не потому, что хотел знать. Потому, что нужно было что-то сказать. Что-то, что не было — островом. Динозаврами. Смертью.

— Нормально. Сдала сессию. На «отлично».

— Молодец.

— Спасибо.

Они замолчали. Неловко.

Потом Октавия сказала:

— Мама звонила.

Йен замер. Вилка остановилась на полпути ко рту.

— Что она хотела?

— Спрашивала, как я. Как ты. Сказала, что она... — Октавия замолчала. Подбирала слова. Не нашла. — Сказала, что она не вернётся.

Йен кивнул. Медленно. Молча. Он знал это. Знал давно. Но слышать — всё равно. Больно.

— Ты в порядке? — спросила Октавия.

— Да, — соврал он. — В порядке.

Она посмотрела на него. Долго. Внимательно. Как человек, который знает, что он врёт. Но не говорит. Потому что не хочет делать больнее. Потому что — любит.

— Пап, — тихо сказала она. — Ты не должен работать на них.

Он поднял на неё глаза. В них была усталость. Та самая, глубокая. Которая не проходит после сна.

— Я знаю.

— Тогда почему?

Он помолчал. Посмотрел в тарелку. Потом — на неё. На дочь. На единственное, что у него осталось. На единственное, что — было. И будет. Всегда.

— Потому что кто-то должен. Потому что если не я — то кто?

Она не ответила. Просто встала. Подошла. Обняла. Крепко. Сильно. Живо.

Часть III. Тишина

С Франком и Самантой Йен не виделся. Не разговаривал. Не писал. Не звонил. Они знали, что он работает на «Феникс». И — не могли этого простить.

Франк позвонил ему один раз. Через месяц после того, как Йен подписал контракт.

— Ты серьёзно? — спросил он. Голос был хриплым. Злым. Усталым.

— Да.

— После всего, что они сделали? После Декстера? После Шелдона? После — всего?

— Да.

— Почему?

Йен молчал. Долго. Слишком долго.

— Потому что я хочу знать правду.

— Правду? — Франк усмехнулся. Горько. Мертво. — Ты хочешь знать правду? Тогда не работай на них. Правда — не в их документах. Правда — в том, что они сделали. И ты — теперь часть этого.

Он сбросил. Йен больше не звонил. Франк — тоже. Саманта — никогда.

Они не виделись. Не разговаривали. Не — ничего. Как будто его не было. Как будто — их не было. Как будто — всё было сном. Кошмаром. Жизнью.

Йен знал: они правы. Он — предатель. Или — не предатель. Или — что-то среднее. Что-то, что не имеет названия. Что-то, что — он. И это — самое страшное. Потому что он не знал ответа. Никогда не знал. И — не узнает.

Часть IV. Снег

Поздно ночью Йен вышел на балкон. Закурил. Посмотрел на город. На огни. На тьму. На — всё.

Он думал о том, что будет. О том, что «Феникс» отправит его на север. На Аксель-Хейберг. Туда, где холод. Где снег. Где — динозавры. Он думал о том, что найдёт. О том, что — потеряет. О том, что — оставит. После себя. Для дочери. Для — мира.

Он думал о том, что скажет Октавии. Что скажет ей, когда уедет. Что скажет, когда — вернётся. Если — вернётся.

Он затушил сигарету. Вошёл в дом. Закрыв дверь. Прошёл в комнату. Лёг. Закрыв глаза. И попытался заснуть. Не получилось. Он не спал уже полгода. По-настоящему не спал. Он просто лежал. С закрытыми глазами. С открытыми мыслями. И ждал. Чего? Он не знал. Может,

смерти. Может, жизни. Может, чего-то среднего. Может, ничего. Может, всего. Может, — ничего.

За стеной спала Октавия. Его дочь. Его жизнь. Его — всё. И он знал: что бы ни случилось — он вернётся. Ради неё. Ради — жизни. Которая продолжается. Назло. Вопреки.

Продолжение следует...

Глава 2

Глава 1. Сигнал

Часть I. Утро

Утро Йена начиналось одинаково — с тишины. Не той тишины, что приносит покой, а той, что заполняет пространство между ударами сердца, напоминая о каждом дне, прожитом после. Будильник в шесть. Звук резкий, механический, как удар молотка по стеклу — треснувшему, но ещё держащемуся. Йен открывал глаза. Смотрел в потолок. На пятно от протечки, которое расползлось, как карта несуществующего острова — континент, которого нет ни на одной карте, но который он знал лучше, чем собственное отражение.

Он лежал. Не двигался. Пять минут. Десять. Пятнадцать. Свет за окном менялся медленно — от серого к серому, без проблеска, без обещания. Город за окном просыпался так же, как и он — без радости, без надежды, просто по привычке. Йен слушал звуки: скрип половиц у соседей сверху, лай собаки во дворе, первый автобус, который проезжал по мокрому асфальту с шипением, похожим на вздох. Всё это было — жизнь. Чужая. Далекая. Не его.

Потом — вставал.

Кофе — чёрный, без сахара. Он варил его в старом турке, который достался ему от матери — единственное, что осталось от неё, кроме воспоминаний и шрамов. Турка была помятой, с облупившейся эмалью, с ручкой, которую он однажды чуть не отломал в приступе ярости. Но кофе в ней получался — правильный. Горький. Терпкий. Живой. Йен насыпал зёрна, молот их в старой ручной мельнице — ещё одна привычка, ещё один ритуал, ещё один способ растянуть время, которое некуда было девать. Запах кофе заполнял кухню, вытесняя запах сырости и одиночества. На несколько минут квартира становилась — домом. Почти.

Йен пил его стоя, у окна. Смотрел на город. На серые дома, которые стояли рядами, как надгробия. На мокрые улицы, отражающие небо — такое же серое, такое же пустое. На людей, которые шли мимо, не поднимая глаз, — они спешили куда-то, к кому-то, зачем-то. У них были цели. У них были — жизни. У него — только кофе. И окно. И — тишина.

Он не думал ни о чём. Он просто — пил.

Иногда, в эти утренние минуты, память подбрасывала образы — яркие, резкие, как вспышки фотокамеры. Остров. Динозавры. Кровь на камнях. Крики, которые он до сих пор слышал в тишине. Он отгонял их. Смотрел на город. На людей. На — ничего. И память отступала. До следующего утра. До следующего кофе. До следующей — тишины.

Душ — холодный. Ледяная вода била по спине, по плечам, по — всему. Йен стоял под ней, пока зубы не начинали стучать. Это была не закалка. Это было наказание. Или — очищение. Или — просто ещё один способ почувствовать хоть что-то, кроме усталости. Вода смывала сон, смывала мысли, смывала — всё. На несколько минут он становился чистым. Пустым. Новым. Потом — выходил. Вытирался старым полотенцем, жёстким, как наждачная бумага, — ещё одна вещь, которую он не менял, потому что менять означало двигаться вперёд, а двигаться вперёд означало — жить. А он не был уверен, что ещё умеет.

Смотрел на себя в зеркало. На своё лицо — осунувшееся, серое, как утренний город. На свои глаза — запавшие, усталые, с тенью, которая никогда не исчезала. На — себя. Он постарел. За полгода — на десять лет. Может, на двадцать. Морщины стали глубже — не те, что от смеха, а те, что от боли. Волосы — седее, особенно на висках, где седина пробивалась, как первый снег на чёрной земле. Глаза — усталее. В них было что-то, чего раньше не было. Что-то, что нельзя было назвать. Что-то, что видели другие, но не говорили. Он выглядел как человек, который слишком много видел. Слишком много потерял. Слишком много — помнит.

Он одевался медленно. Тёмные брюки — простые, без складок, без стиля. Рубашка — серая, чтобы не выделяться. Куртка — тёмная, с множеством карманов, каждый из которых был пуст. Ничего лишнего. Ничего, что могло бы выдать его профессию или прошлое. Он был человеком-тенью. Человеком-стеной. Тем, кто стоит между опасностью и теми, кто не должен пострадать. Только теперь — он стоял не между. Он стоял — внутри. И это — было хуже.

Дорога до офиса занимала час. Час в машине. Час в пробках. Час в тишине. Йен включал радио. Потом — выключал. Включал снова — другая станция, другой голос, другие новости. Выключал. Он не мог слушать новости — они напоминали ему о мире, который продолжал вращаться без него. Не мог слушать музыку — она напоминала ему о чувствах, которые он больше не хотел испытывать. Не мог слушать — ничего. Только тишину. Только — себя.

Иногда, в эти часы, он думал о дочери. О Октавии. О том, как она росла — без него, с ним, рядом и далеко одновременно. О том, как она смотрела на него, когда он возвращался с острова — с пустыми глазами и руками, в которых не было ничего, кроме памяти. О том, что она говорила ему тогда. И о том, что он не сказал ей. Никогда.

Машина стояла в пробке. Йен смотрел на красные огни впереди — стоп-сигналы, как глаза, которые предупреждают об опасности. Он не двигался. Ждал.

Часть II. Офис

Офис «Феникса» находился на окраине города, в старом промышленном здании, которое когда-то было заводом — теперь здесь были стеклянные стены, белые коридоры и люди в строгих костюмах, которые никогда не смотрели друг другу в глаза. Здание стояло особняком, окружённое пустырями и ржавыми контейнерами, — место, где прошлое встречалось с настоящим, но ни то, ни другое не чувствовало себя здесь дома. Йен парковался на дальнем конце стоянки — привычка, оставшаяся с тех времён, когда он работал в поле и знал цену запасному выходу. Он шёл по коридору. Кивал охраннику — молчаливому человеку с глазами, которые видели слишком много. Прикладывал пропуск к турникету. Турникет пищал. Зелёный свет. Проходите.

Коридор был длинным и белым — слишком белым, как больничная палата, как морг, как место, где стирают индивидуальность. По стенам висели фотографии — абстрактные, безликие, ничего не значащие. Йен шёл мимо них, не глядя. Он знал этот путь наизусть — двадцать три шага до поворота, ещё сорок два до лифта, ещё пятнадцать до двери. Он считал шаги. Всегда. Это помогало не думать. Это помогало — не чувствовать.

Его кабинет был маленьким — стол, компьютер, кресло, шкаф с папками, которые он никогда не открывал. На стене — карта. Не острова. Не «Эребуса». Просто карта мира — политическая, с границами, которые постоянно менялись, с названиями, которые ничего не значили. Чтобы не забывать, где он. И — кто он. Йен садился за стол. Открывал ноутбук. Начиная работать. Геологические данные. Отчёты. Анализы. Всё то, что не имело значения. Всё то, что — было. Просто — работой.

Он работал механически — читал, сортировал, вводил данные, делал выводы, которые никого не интересовали. Геология была его профессией, его страстью, его — жизнью. Когда-то. Теперь она была просто способом заполнить время между утром и вечером. Между кофе и сном. Между — ничем. Он смотрел на экран, на строчки цифр, на графики, которые ничего не говорили его сердцу. Только — уму. А ум молчал. Устал.

В дверь постучали. Йен поднял голову.

— Войдите.

Маркус Вейл стоял на пороге. Он выглядел старше, чем в последний раз. Может, на десять лет. Может, на двадцать. Морщины стали глубже — особенно вокруг глаз, где кожа собиралась в складки, как старая карта. Волосы — седые, почти белые на висках. Глаза — усталые, но в них было что-то ещё. Что-то, что Йен не мог назвать. Может, — вина. Может, — страх. Может, — правда, которую Маркус нёс слишком долго и слишком одиноко.

Он вошёл. Сел напротив. Молчал. Долго. Слишком долго. В кабинете было тихо — только гул компьютера, только дыхание двух людей, только — тишина. Йен ждал. Он умел ждать. Это было единственное, чему он научился за последние полгода.

— Как ты? — спросил он наконец.

— Работаю.

— Это не ответ.

— Это единственный, который у меня есть.

Маркус кивнул. Медленно. Молча. Он знал это. Знал давно. Он смотрел на Йена. Долго. Внимательно. Как человек, который видит больше, чем говорит. Как человек, который знает, что за словами всегда есть что-то ещё. Что-то, что нельзя произнести вслух. Что-то, что живёт в тишине между вопросами и ответами.

— Ты знаешь, что они сделали, — тихо сказал Маркус. — И всё равно работаешь на них.

— Знаю.

— Почему?

Йен помолчал. Посмотрел в окно. За окном шёл дождь. Такой же, как на острове — мелкий, упорный, бесконечный. Такой же, как всегда. Такой же, как — в его памяти. Он смотрел

на капли, которые стекали по стеклу, оставляя за собой следы, похожие на слёзы. Или — на кровь. Или — на ничего.

— Потому что кто-то должен. Потому что если не я — то кто?

Маркус вздохнул. Тяжело. Как человек, который слишком долго живёт с грузом ошибок. Как человек, который знает, что каждый выбор имеет цену. Как человек, который — платит. Каждый день. Каждую минуту. Каждую — тишину.

— Ты ошибаешься, Йен. Тебе есть что терять.

Он встал. Пошёл к двери. Остановился. Овернулся. В его глазах было что-то — предупреждение, мольба, приговор. Что-то, что Йен не хотел понимать.

— Будь осторожен. Они не те, за кого себя выдают.

И вышел. Дверь закрылась с тихим щелчком — как выстрел, который никто не услышал. Йен остался один. Смотрел на дверь. На — всё. Он знал это. Знал давно. Но слышать — всё равно. Больно.

Он вернулся к работе. К цифрам. К графикам. К — ничему. Но слова Маркуса остались — в воздухе, в тишине, в нём. Они не исчезли. Они никогда не исчезали.

Часть III. Писк

Йен работал. Данные. Отчёты. Анализы. Всё то, что не имело значения. Всё то, что — было. Просто — работой. Он нажимал на клавиши — механически, бездумно, как автомат, который выполняет заданную программу. Смотрел на экран — на строчки, которые сливались в одну серую массу. Думал о — ни о чём. Это было искусство, которому он научился за полгода. Искусство — не думать. Искусство — не чувствовать. Искусство — быть. Просто — быть.

И тут он услышал. Писк. Тонкий. Тихий. Едва различимый. Как комар, который летает где-то рядом — невидимый, но вездесущий. Как капля, которая падает в жестяное ведро — ритмично, настойчиво, бесконечно. Как — ничего. Он поднял голову. Прислушался. Писк повторился. Где-то в глубине. Где-то — рядом. Йен посмотрел на компьютер. На динамики. На — всё. Ничего. Тишина. Он вернулся к работе. Писк повторился. Громче. Резче. Йен вздрогнул. Посмотрел по сторонам. В кабинете — никого. Только он. И — писк.

Он встал. Прошёлся по кабинету — от стола к окну, от окна к двери, от двери к стене. Писк следовал за ним. Или — не следовал. Он был везде. В стенах. В воздухе. В — нём. Йен остановился. Закрыв глаза. Сжал кулаки. Попытался сосредоточиться. Не получилось. Писк был — везде. И — нигде. Как память. Как вина. Как — жизнь.

— Так, — сказал он сам себе. — Ты сходишь с ума, Йен. Окончательно. Поздравляю.

Он усмехнулся. Горько. Устало. Усмешка вышла кривой — как трещина на стекле, которая расплзается, но не разбивает. Он снова вернулся к работе. Писк повторился. Ещё громче.

Ещё резче. Йен встал. Подошёл к окну. Писк шёл оттуда. Или — не оттуда. Он не знал. Он приложил ухо к стеклу — холодному, гладкому, как лёд. Писк повторился. Йен отдёргнулся. Посмотрел на стекло. На — всё.

— Ладно, — сказал он. — Я схожу с ума. Это нормально. Это бывает. После всего, что было. После острова. После — всего.

Он снова сел. Но писк не прекращался. Он был везде. В стенах. В воздухе. В — нём. Йен закрыл глаза. Сжал кулаки. Попытался сосредоточиться. Не получилось. Писк был — везде. И — нигде. Он открыл глаза. Посмотрел на компьютер. На экран. На — всё. И тут он увидел. Строку. В логах. В самом низу. Едва заметную. Слабый сигнал. На старой частоте. На — той самой.

Йен замер. Он знал эту частоту. Знал — давно. Ещё с острова. С «Эребуса». С — прошлого. Это была частота, которую использовали в старых проектах — до того, как всё пошло не так. До того, как остров стал — могилой. До того, как он стал — тем, кем стал. Он смотрел на строку. На — сигнал. На — писк. И понимал: это — не галлюцинация. Это — реальность. Кто-то подаёт сигнал. Кто-то — живой. И — зовёт.

Он попытался ответить. Нажать на кнопку. На — что-то. Но руки не слушались. Он не знал, что делать. Он никогда не был радистом. Он был — геологом. Он читал камни. Не — сигналы. Он смотрел на экран. На — писк. На — всё. И не знал, что делать.

Сигнал повторялся — снова и снова, ритмично, настойчиво. Как сердцебиение. Как дыхание. Как — мольба. Йен смотрел на него. И чувствовал, как что-то внутри него — что-то, что он считал мёртвым, — начинает отзываться. Медленно. Болезненно. Живо.

Часть IV. Остров

Через час Йена вызвали в главный кабинет. Маркус. Юлис. И ещё двое. Незнакомые. В строгих костюмах. С холодными глазами — глазами, которые видели слишком много и не видели — ничего. Йен сел. Молчал. Ждал.

Кабинет был большим — слишком большим, как зал суда, как место, где принимают решения, которые меняют жизни. На стенах — карты, схемы, фотографии, которые ничего не говорили. На столе — бумаги, папки, чашки с остывшим кофе. За окном — город, серый и далёкий, как воспоминание. Йен смотрел на всё это — и не видел ничего. Только — лица. Только — глаза. Только — ложь, которую они собирались ему сказать.

— Йен, — начал Маркус. — Мы получили сигнал. С Аксель-Хейберга.

Йен поднял голову. Аксель-Хейберг. Остров. В Арктике. Холодный. Заснеженный. Отстранённый от человека. Место, где время остановилось — и где остановились те, кто там был. Он знал это имя. Знал — давно. Ещё с тех времён, когда читал отчёты, которые не должен был читать. Когда видел фотографии, которые не должен был видеть. Когда — знал. Больше, чем хотел. Больше, чем мог вынести.

— Что за остров? — спросил он.

— Заброшенный заповедник, — ответил Юлис. — Тот самый. Из старых проектов. Двадцать лет назад там был «Полярный Эребус». Потом — закрыли. Забыли.

Йен смотрел на него. На его лицо — гладкое, ухоженное, без морщин. На его глаза — холодные, расчётливые, без жалости. На его руки — чистые, без крови. И думал: «Ты никогда там не был. Ты не знаешь, что там. Ты не знаешь, что — было. Ты не знаешь — ничего».

— Почему закрыли?

Юлис помолчал. Посмотрел на Маркуса. Потом — снова на Йена. В его глазах было что-то — тень, которая мелькнула и исчезла. Что-то, что он не хотел показывать. Что-то, что — боялся.

— Потому что там что-то пошло не так. Как всегда. Как везде.

Йен кивнул. Медленно. Молча. Он знал это. Знал — давно. Он смотрел на них. На — всех. И думал: «Сколько ещё островов? Сколько ещё проектов? Сколько — смертей?»

— Сколько ещё? — спросил он.

Юлис посмотрел на него. Долго. Внимательно. Как человек, который оценивает — не собеседника, а — риск. Как человек, который решает — не судьбу, а — проблему. Как человек, который — не чувствует.

— Пять. Может, больше. Мы не знаем точно.

Йен закрыл глаза. Пять. Может, больше. Пять островов. Пять — адов. Пять — смертей. Пять — молчаний. Он открыл глаза. Посмотрел на них. На их лица — гладкие, спокойные, безмятежные. На их руки — чистые. На их совесть — которая, может быть, и была, но молчала.

— И что вы хотите от меня?

— Ты возглавишь экспедицию, — сказал Маркус. — По спасению. Два месяца назад туда улетела группа Генри. Они не вернулись. Не отвечают. Мы думаем, что это — они. Их сигнал.

Йен замер. Генри. Тот самый. Который исчез. Который знал всё. Который — был. И — не было. Генри, который смеялся, когда другие плакали. Генри, который шёл вперёд, когда другие отступали. Генри, который — жил. И — умер. Может быть. Йен смотрел на Маркуса. На — всех. И думал: «Почему я? Почему — снова? Почему — всегда?»

— Почему я? — спросил он.

— Потому что наёмники не справились, — ответил Юлис. — Пусть идут учёные. И — ты. Ты знаешь острова. Ты знаешь динозавров. Ты — один из немногих, кто выжил.

Йен усмехнулся. Горько. Устало. Усмешка вышла кривой — как трещина на стекле, которая расползается, но не разбивает.

— Я не хочу умирать.

— Никто не хочет, — сказал Маркус. — Но кто-то должен.

Йен молчал. Долго. Слишком долго. Он думал о дочери. О Октавии. О — жизни. Которая продолжалась. Назло. Вопреки. Он думал о том, что скажет ей. Что скажет, когда уедет. Что скажет, когда — вернётся. Если — вернётся.

Он думал о Генри. О его глазах — ярких, живых, полных чего-то, чего Йен не мог назвать. О его голосе — громком, уверенном, без сомнений. О его — смерти. Которая, может быть, была — жизнью. Может быть — спасением. Может быть — ничем.

— Хорошо, — сказал он. — Я согласен.

Слово упало в тишину — как камень в воду. Круги разошлись — и исчезли. Никто не улыбнулся. Никто не вздохнул. Никто — не почувствовал. Только Йен. Который чувствовал — всё.

Часть V. Маркус

Под конец смены Йен пришёл к Маркусу. Он не стучал. Просто вошёл. Закрыв дверь. Сел напротив. Молчал. Ждал.

Кабинет Маркуса был меньше, чем главный, — но такой же безликий. Стол. Компьютер. Кресло. На стене — фотография. Старая. Чёрно-белая. На ней — группа людей. Молодых. Счастливых. Живых. Йен узнал некоторых. Узнал — Маркуса. Узнал — себя. Узнал — тех, кого больше не было.

— Как мне этого избежать? — спросил он.

Маркус посмотрел на него. Долго. Внимательно. В его глазах было что-то — усталость, которая не проходила. Вина, которая не отпускала. Правда, которую он нёс — один. Слишком долго. Слишком — молча.

— Никак.

— Должен быть способ.

— Нет.

Йен сжал кулаки. Медленно. Крепко. Так, что ногти впились в ладони. Так, что боль стала — реальностью. Так, что он почувствовал — хоть что-то. Кроме страха. Кроме — пустоты.

— Я не хочу туда лететь. Я не хочу умирать. Я не хочу — снова.

Маркус вздохнул. Тяжело. Как человек, который слишком долго живёт с грузом ошибок. Как человек, который знает, что каждый выбор имеет цену. Как человек, который — платит. Каждый день. Каждую минуту. Каждую — тишину.

— Тогда тебе лучше поторопиться.

Йен не понял:

— Что?

— Без палеонтолога ты там не протянешь и часа. А ещё нужен такой палеонтолог, который не раскроет местонахождение острова. Который не расскажет миру. Который — промолчит.

Йен замер. Он смотрел на Маркуса. Долго. Внимательно. И — понимал. Он уже знал. Знал — давно. Знал — всегда. Имя всплыло из памяти — как пузырь из глубины. Как — приговор. Как — надежда.

— Конор, — тихо сказал он.

Маркус кивнул. Медленно. Молча.

— Конор.

Йен закрыл глаза. Конор. Тот самый. Который ушёл. Который — сломался. Который — молчал. Конор, который был — другом. Который был — братом. Который был — тем, кем Йен не стал. Он открыл глаза. Посмотрел на Маркуса. На — всё. И понял: выбора нет.

— Он не поедет, — сказал Йен.

— Поедет, — ответил Маркус. — Если ты попросишь.

— Почему ты так уверен?

Маркус помолчал. Посмотрел на фотографию на стене. На лица. На — прошлое. Потом — снова на Йена.

— Потому что он ждёт. Уже полгода. Может, больше. Он ждёт, когда кто-то придёт. Когда кто-то — позовёт. Когда кто-то — вернёт его. К жизни. К — себе.

Йен молчал. Долго. Слишком долго. Он думал о Коноре. О его глазах — когда-то ярких, теперь — пустых. О его голосе — когда-то громком, теперь — тихом. О его — жизни. Которая остановилась. Где-то. Когда-то. Как — у всех. Как — у него. Как — всегда.

Он встал. Пошёл к двери. Остановился. Обернулся.

— Ты знаешь, где он?

Маркус кивнул. Медленно. Молча. Он написал что-то на бумаге. Протянул Йену. Адрес. Имя. — всё. Йен взял бумагу. Посмотрел на неё. На — всё. И вышел. Не попрощавшись.

Часть VI. Дочь

Йен приехал домой поздно. Усталый. Мокрый. Злой. Дождь шёл весь день — мелкий, упорный, бесконечный. Он открыл дверь. Вошёл. В квартире пахло едой. Тёплой. Домашней. Живой. На кухне что-то шипело. Кто-то готовил. Кто-то — ждал.

— Пап? — голос из кухни. Молодой. Женский. Знакомый. — голос, который он слышал каждый день, но не слушал. Голос, который был — жизнью.

— Я, — ответил Йен. Снял куртку. Повесил на крючок. Прошёл на кухню. Медленно. Как человек, который идёт на суд. Как человек, который знает, что его ждёт. Как — всегда.

Октавия стояла у плиты. Спина к двери. В фартуке — старом, с пятнами, которые не отстирывались. С ножом в руке — большим, острым, которым она резала овощи. Нарезала — ритмично, уверенно, как человек, который делает это каждый день. Она обернулась. Улыбнулась. Слабо. Едва заметно. Как человек, который знает больше, чем говорит. Как человек, который — ждёт.

— Ты поздно, — сказала она. Не упрёк. Просто факт. Просто — правда. Просто — жизнь.

— Знаю. Прости.

— Всё нормально. Я оставила тебе ужин. Садись.

Он сел. За стол — старый, деревянный, с царапинами, которые он помнил с детства. Она поставила перед ним тарелку — горячую, полную, живую. Села напротив. Смотрела, как он ест. Молчала. Ждала.

— Как дела в колледже? — спросил он.

— Нормально. Сдала сессию. На «отлично».

— Молодец.

— Спасибо.

Они замолчали. Неловко. Йен ел. Октавия смотрела. Тишина была — густой, как смола. Тяжёлой, как камень. Живой, как — память. Потом Октавия сказала:

— Пап. Что-то случилось.

Это был не вопрос. Утверждение. Йен поднял на неё глаза. В них была усталость. Та самая, глубокая. Та самая, которую он не мог скрыть. Та самая, которую она видела — всегда.

— С чего ты взяла?

— Ты не такой, как обычно. Ты — другой.

— Я всегда — другой.

— Нет. Сегодня — особенно.

Йен помолчал. Посмотрел в тарелку. На еду — которую она приготовила. Для него. Потому что — любила. Потому что — ждала. Потому что — надеялась. Потом — на неё. На дочь. На единственное, что у него осталось. На — жизнь.

— Я уезжаю, — тихо сказал он. — Завтра. На север.

Октавия замерла. Её лицо изменилось. Не испуг. Не злость. Что-то другое. Что-то, что не имело названия. Что-то, что было — болью. Тихой. Глубокой. Знакомой.

— Надолго?

— Не знаю.

— Куда?

— На остров.

— Какой?

— Аксель-Хейберг.

Она посмотрела на него. Долго. Внимательно. Как человек, который знает, что он врёт. Но не говорит. Потому что не хочет делать большее. Потому что — любит.

— Ты вернёшься? — тихо спросила она.

— Да, — соврал он. — Вернусь.

Она не ответила. Просто встала. Подошла. Обняла. Крепко. Сильно. Живо. Так, как обнимают, когда не верят словам. Когда верят — сердцу. Когда верят — вопреки.

— Я люблю тебя, пап.

— Я тоже. Я тоже.

Он поцеловал её в макушку. Отстранился. Посмотрел на неё. На её глаза — влажные, но не плачущие. На её губы — сжатые, но не дрожащие. На её руки — которые держали его. Которые не хотели отпускать. Которые — отпускали.

— Иди спать. Завтра поговорим.

Она кивнула. Медленно. Молча. Пошла к двери. Остановилась. Обернулась.

— Пап.

— Да?

— Будь осторожен.

Она вышла. Дверь закрылась с тихим щелчком — как выстрел, который никто не услышал. Йен остался один. Смотрел на дверь. На — всё. Он вздохнул. Тяжело. Как человек, который слишком долго живёт с грузом ошибок. Он встал. Пошёл к двери. Взял куртку. Ключи. Вышел. В ночь. В дождь. В — никуда.

Часть VII. Поиск

Йен сел в машину. Завёл двигатель. Достал телефон. Набрал номер Франка. Гудки. Долгие. Тягучие. Как смола. Как кровь. Как — смерть. Потом — сброс. Йен выругался. Громко. Зло. Он набрал снова. Сброс. Он ударил по рулю. Раз. Другой. Третий. Больно. Хорошо. Живо.

— Ладно, — сказал он. — Ладно.

Он набрал другой номер. Эван. Гудки. Долгие. Тягучие. Как — всё. Потом — ответ.

— Аллю?

Голос был женским. Тихим. Усталым. Йен замер. Он знал этот голос. Знал — давно. Ещё с острова. Ещё с — прошлого. Лора. Та самая. Которая сломалась. Которая не могла говорить о динозаврах. Которая — была. И — не было.

— Эван?

— Нет. Это Лора.

Йен помолчал. Лора. Та самая. Которая сломалась. Которая не могла говорить о динозаврах. Которая — была. И — не было.

— Я знаю, кто ты, — сказала она. — Ты — Йен. Геолог. Тот, который работал с Франком. Тот, который теперь работает на «Феникс».

— Да.

— Зачем ты звонишь?

— Мне нужен Конор.

Тишина. Долгая. Тягучая. Как смола. Как кровь. Как смерть.

— Зачем?

— Мне нужно узнать его мнение. В документах — неувязочка. Я хочу понять.

— Врёшь.

Йен замер.

— Что?

— Ты врёшь. Я слышу это по голосу. Ты не просто хочешь узнать его мнение. Ты хочешь, чтобы он поехал с тобой. На остров. На тот самый. На Аксель-Хейберг.

Йен молчал. Долго. Слишком долго. Он смотрел на телефон. На имя Лоры. На — всё. И думал: «Она знает. Она всегда знала. Она — видит».

— Я не могу тебе этого сказать.

— Тогда я не могу тебе помочь. Я не позвоню Конору. И он никуда не полетит.

Она сбросила. Йен остался с телефоном в руке. Смотрел на экран. На имя Лоры. На — всё. Он вздохнул. Тяжело. Как человек, который слишком долго живёт с грузом ошибок. Он завёл машину. Поехал. В ночь. В дождь. В — никуда.

Часть VIII. Кафе

Он ехал долго. Час. Два. Три. По трассе — пустой, тёмной, бесконечной. По просёлочным дорогам — грязным, узким, забытым. По — никуда. Он остановился у придорожного кафе. Маленького. Старого. С вывеской, которая мигала через раз — то красным, то белым, то — ничем. Он вошёл. Внутри пахло кофе. Жареным мясом. Жизнью.

За стойкой стояла женщина. Повариха. Усталая. С добрыми глазами. С руками, которые знали работу. С лицом, которое знало — всё. Йен сел. Заказал кофе. Спросил:

— Вы не знаете, где тут живёт Конор Торл?

Женщина посмотрела на него. Долго. Внимательно. Потом — на кассиршу. Та кивнула. Медленно. Молча. Как человек, который знает — но не говорит. Как человек, который — боится.

— Этот сумасшедший отшельник? — спросила повариха. — Он живёт в трёх километрах отсюда. В фургоне. В лесу.

Йен замер.

— В фургоне?

— Ага. Он там уже полгода. Ни с кем не разговаривает. Только приходит раз в неделю за продуктами. Станный он. Говорят, он — учёный. Но выглядит как бомж.

Йен кивнул. Медленно. Молча. Он встал. Бросил на стол деньги — больше, чем нужно. Вышел. Сел в машину. Завёл двигатель. Поехал. В лес. В темноту. В — прошлое.

Часть IX. Фургон

Он нашёл его через десять минут. Фургон стоял в лесу — старый, ржавый, с занавесками на окнах, с дверью, которая скрипела на ветру. Йен подошёл. Постучал. Тишина. Он постучал снова. Громче. Тишина. Он ждал. Долго. Слишком долго. Он уже хотел уйти, когда дверь открылась.

Конор стоял на пороге. Он изменился. Сильно. Он стал старше. На десять лет. Может, на двадцать. Морщины стали глубже — не те, что от смеха, а те, что от боли. Волосы — седее, почти белые. Борода — длинная. Неопрятная. Он выглядел уставшим. Помятым. Как человек, который слишком долго живёт с грузом ошибок. Как человек, который — сдался. Как человек, который — ждал.

— Йен? — тихо сказал он. Голос был хриплым. Слабым. Как будто он давно не говорил. Как будто он разучился. Как будто он забыл. Как — всё.

— Привет, Конор.

— Зачем ты приехал?

Йен помолчал. Посмотрел на него. Долго. Внимательно. Потом — на лес. На — всё. На — прошлое. Которое стояло перед ним. Живое. Дышащее. Сломанное.

— Нам нужно поговорить.

Конор смотрел на него. Молчал. Долго. Слишком долго. А потом — отступил в сторону. Пропустил.

— Проходи.

Йен вошёл. Дверь закрылась за ним. В фургоне пахло сыростью. Старостью. Одиночеством. На столе — бумаги, карты, фотографии. На стенах — вырезки, схемы, рисунки. На полу — книги, журналы, пустые бутылки. Конор сел на стул. Йен — напротив. На другой стул — шаткий, скрипучий. Они смотрели друг на друга. Молчали.

— Ты знаешь, зачем я здесь, — сказал Йен.

Конор кивнул. Медленно. Молча.

— Аксель-Хейберг.

— Да.

— Ты сошёл с ума.

— Может быть.

— Ты хочешь, чтобы я поехал с тобой. На остров. К динозаврам. К — смерти.

— Да.

Конор усмехнулся. Горько. Устало. Усмешка вышла кривой — как трещина на стекле, которая расплзается, но не разбивается.

— Почему я?

— Потому что ты — лучший. Потому что ты — знаешь. Потому что ты — нужен.

Конор молчал. Долго. Слишком долго. Он смотрел на Йена. На его глаза — усталые, но живые. На его руки — сильные, но дрожащие. На его — жизнь. Которая продолжалась. Назло. Вопреки.

— Я не хочу, — тихо сказал Конор.

— Знаю.

— Я не могу.

— Знаю.

— Я — сломался.

— Знаю.

Конор закрыл глаза. Сжал кулаки. Медленно. Крепко. Так, что ногти впились в ладони. Так, что боль стала — реальностью. Так, что он почувствовал — хоть что-то. Кроме страха. Кроме — пустоты.

— Хорошо, — сказал он. — Я поеду.

Йен смотрел на него. Долго. Внимательно. И — не верил. Не верил — словам. Не верил — себе. Не верил — ничему. Но — кивнул. Медленно. Молча.

— Спасибо.

Конор открыл глаза. Посмотрел на него. На — всё. И улыбнулся. Слабо. Едва заметно. Как человек, который знает больше, чем говорит. Как человек, который — ждал. Как человек, который — жив.

— Не благодари. Мы оба знаем, что это — не спасение. Это — выбор.

Йен кивнул. Медленно. Молча. Он встал. Пошёл к двери. Остановился. Обернулся.

— Завтра. В шесть. У офиса.

Конор кивнул. Медленно. Молча. Йен вышел. Дверь закрылась за ним. В фургоне остался Конор. Один. Смотрел на дверь. На — всё. И думал: «Почему я? Почему — снова? Почему — всегда?»

Продолжение следует...

Глава 3

Глава 2. Сделка

Часть I. Фургон

Конор не предложил ему сесть. Не предложил кофе. Не предложил ничего. Он просто стоял посреди фургона — сгорбленный, как человек, несущий на плечах невидимый груз, — и смотрел на Йена так, будто перед ним был призрак. Может, и был. Может, для Конора все, кто пришёл из того мира, были призраками. Может, он и сам был призраком — человеком, который давно перестал быть частью живого мира и существовал лишь в промежутке между воспоминаниями и кошмарами.

В фургоне было тесно. Тесно от бумаг, от книг, от карт, разложенных на каждом свободном сантиметре. На столе — старый ноутбук с треснувшим экраном, рядом — чашка с окаменевшим кофе, рядом — рисунок. Углём. На рисунке — ящер. Не тот, что в учебниках. Тот, что в кошмарах. Йен узнал его. Знал его. Видел его — вблизи. Слишком вблизи. Он помнил запах его дыхания — тёплый, влажный, с металлическим привкусом крови. Он помнил звук его шагов — тяжёлых, ритмичных, будто кто-то бил молотом по могильной плите. Он помнил его глаза — жёлтые, холодные, умные. Глаза, которые смотрели на него и видели не человека, а добычу.

В фургоне пахло старой бумагой, застоявшимся табаком и чем-то ещё — кислым, затхлым, будто здесь давно не открывали окон. Стены были увешаны вырезками из газет, фотографиями, схемами. На одной из фотографий — группа людей в полярных комбинезонах. Улыбающиеся. Живые. Молодые. Йен узнал некоторых. Знал, что с ними стало. Знал, что от них осталось. Ничего.

— Ты пил, — сказал Йен. Не вопрос. Констатация. Как врач, который видит симптомы, но не хочет называть диагноз.

— Ты тоже, — ответил Конор. — Только я — из чашки. А ты — из гордости.

Он сел. Медленно. Как старик. Хотя был моложе Йена. Может, на пять лет. Может, на десять. Время в этом фургоне шло иначе. Здесь оно не лечило. Здесь оно — грызло. Оно въедалось в кожу, в кости, в душу. Оно оставляло шрамы, которые не заживали. Оно делало людей стариками раньше срока.

Конор был худым — слишком худым. Его лицо осунулось, скулы заострились, глаза впали. Под ними — тёмные круги, будто кто-то нарисовал их углём. Волосы — сальные, нечёсанные, с проседью. Борода — клочковатая, неухоженная. Он выглядел как человек, который давно перестал смотреть в зеркало. Как человек, который давно перестал заботиться о себе. Как человек, который давно перестал — жить.

— Зачем ты пришёл, Йен? — спросил Конор. — Только не говори, что соскучился.

— Соскучился.

— Врёшь.

— Вру, — согласился Йен. — Мне нужен палеонтолог.

Конор усмехнулся. Криво. Без тепла. Усмешка была как трещина на стекле — резкая, острая, опасная.

— В мире есть другие палеонтологи. С дипломами. С работой. С — жизнью.

— Мне нужен тот, кто был там. Кто видел их. Кто — знает.

— Знает что? — Конор поднял голову. В его глазах было что-то — не пустота, как думал Йен. Что-то живое. Больное. Живое. Как огонь, который почти погас, но ещё тлеет под пеплом. — Что они убивают? Что они не боятся нас? Что мы для них — еда, которая сама приходит?

— Что они думают, — тихо сказал Йен. — Как двигаются. Где спят. Где едят. Где — не едят. Ты знаешь их. Я — нет. Я читал камни. Ты читал — их.

Конор молчал. Долго. Он смотрел на рисунок. На ящера. На — прошлое. Потом сказал:

— Я не читал их, Йен. Я смотрел, как они убивают. Это не одно и то же.

— Для меня — одно.

Конор встал. Подошёл к окну. За окном — лес. Тёмный. Мокрый. Живой. Он смотрел на него. Молчал. Йен ждал. Он умел ждать. Научился. На острове. В аду. Он ждал, когда Конор заговорит. Ждал, когда он сдастся. Ждал, когда он — вспомнит.

— Сколько? — спросил Конор.

— Два месяца назад туда улетела группа Генри. Не вернулись. Сигнал. Слабый. С Аксель-Хейберга.

Конор обернулся. Медленно. Его лицо изменилось. Не испуг. Что-то другое. Что-то, что Йен не мог назвать. Что-то среднее между яростью и болью. Между ненавистью и — надеждой.

— Генри.

— Да.

— Генри, который говорил, что я — трус?

— Да.

— Генри, который смеялся, когда я не мог спуститься в ущелье?

— Да.

Конор усмехнулся. Горько. Долго. Смех был как кашель — сухой, рвущийся, болезненный.

— И ты хочешь, чтобы я поехал спасать человека, который считал меня — ничем?

— Нет, — сказал Йен. — Я хочу, чтобы ты поехал спасать людей, которые — как ты. Которые — там. Которые — ждут. А Генри... Генри — просто имя. Как моё. Как твоё. Как — всё.

Конор отвернулся. Смотрел на лес. На — тьму. На — ничего. Его плечи опустились. Его руки повисли. Его тело — сжалось. Как у человека, который несёт слишком тяжёлый груз.

— Я не могу.

— Можешь.

— Я не хочу.

— Знаю.

— Я — сломался, Йен. Ты не понимаешь. Я не могу смотреть на них. Я не могу слышать их. Я не могу — быть там. Я — не могу.

Йен встал. Подошёл. Встал рядом. Не касаясь. Просто — рядом. Он чувствовал тепло Конора — слабое, болезненное. Он слышал его дыхание — рваное, тяжёлое. Он видел его руки — сильные, но дрожащие. Он знал, что тот чувствует. Знал — слишком хорошо.

— Я тоже сломался, — тихо сказал он. — Полгода назад. Может, больше. Я не сплю. Я не ем. Я не — живу. Я существую. Как ты. В фургоне. В квартире. В — нигде. Но кто-то должен. Понимаешь? Кто-то должен пойти. И если не мы — то кто? Кто-то, кто не знает? Кто-то, кто умрёт в первый час? Кто-то, кто не вернётся — и не скажет, что там?

Конор молчал. Долго. Слишком долго. Он смотрел на лес. На — тьму. На — себя. Его дыхание было тяжёлым. Его руки — сжатыми. Его глаза — закрытыми. Он думал. О прошлом. О настоящем. О будущем. О — ничего.

— Ты просишь меня умереть, — сказал он наконец.

— Я прошу тебя — жить. По-настоящему. Не в фургоне. Не в прошлом. Не в — страхе. А там. Где страшно. Где больно. Где — жизнь.

Конор закрыл глаза. Сжал кулаки. Медленно. Крепко. Так, что ногти впились в ладони. Так, что боль стала — реальностью. Так, что он почувствовал — хоть что-то. Хоть что-то, кроме пустоты. Хоть что-то, кроме страха. Хоть что-то, кроме — ничего.

— Я боюсь, — тихо сказал он. — Я боюсь, Йен. Не смерти. Я боюсь — себя. Того, кем я стану там. Того, что я — вспомню. Того, что я — увижу. Того, что я — сделаю. Я боюсь, что я — не вернусь. Не телом. Душой.

Йен молчал. Он не мог сказать, что понимает. Он понимал — слишком хорошо. Он не мог сказать, что всё будет хорошо. Он знал — не будет. Он мог сказать только правду.

— Я тоже боюсь, — сказал он. — Каждый день. Каждую минуту. Каждую — ночь. Но страх — это не то, что нас останавливает. Страх — это то, что нас — ведёт. Если мы позволим. Если мы — сможем.

Конор открыл глаза. Посмотрел на него. Долго. Внимательно. И — кивнул. Медленно. Молча. Как человек, который принял решение. Как человек, который — сдался. Как человек, который — выбрал.

— Хорошо, — сказал он. — Я поеду.

Йен смотрел на него. И — не верил. Не верил — словам. Не верил — себе. Не верил — ничему. Но — кивнул. Медленно. Молча.

— Спасибо.

— Не благодарю. Мы оба знаем, что это — не спасение. Это — выбор.

Йен вышел. Дверь закрылась. В фургоне остался Конор. Один. Смотрел на дверь. На — всё. И думал: «Почему я? Почему — снова? Почему — всегда?»

Он подошёл к столу. Взял рисунок. Посмотрел на ящера. На — прошлое. На — смерть. Потом — смял. Медленно. Тщательно. И — бросил в угол. Как человек, который отказывается от прошлого. Как человек, который — начинает заново. Как человек, который — живёт.

Часть II. Утро

Йен приехал домой в полночь. Может, позже. Он не смотрел на часы. Время потеряло смысл — давно. Он вошёл в квартиру. Тихо. Как вор. Как человек, который не хочет, чтобы его заметили. Снял куртку. Повесил. Прошёл в комнату. Сел на кровать. Не раздеваясь. Смотрел в стену. На — ничего.

Квартира была маленькой — две комнаты, кухня, ванная. Но чистой. Уютной. Живой. На стенах — фотографии Октавии. В рамках. В беспорядке. В — жизни. На полках — книги. На столе — чашка. Недопитая. Остывшая. Как — он. Как — всё.

Он не спал. Он лежал. Глаза открыты. Потолок. Пятно. Карта несуществующего острова. Он смотрел на неё. И думал: «Завтра. Завтра я скажу ей. Завтра я — уеду. Завтра я — умру. Может быть. Может, нет. Может — никогда. Может — всегда».

Он думал об Октавии. О её глазах — когда она была маленькой. О её смехе — когда она была счастлива. О её руках — когда она держала его за палец. О её — жизни. Которая продолжалась. Без него. С ним. Вопреки. Назло.

Он боялся. Не смерти. Он боялся — не вернуться. Не увидеть. Не услышать. Не — почувствовать. Он боялся потерять каждую минуту её жизни — в своей. Каждую улыбку. Каждый

вздых. Каждый — день. Он боялся, что она вырастет. Без него. Что она забудет его голос. Его лицо. Его — руки. Он боялся, что она — будет жить. А он — нет.

Он встал. Подошёл к окну. Смотрел на город. На огни. На — тьму. Потом — пошёл в комнату Октавии. Остановился у двери. Смотрел на неё. Спала. Тихо. Мирно. Живо. Её волосы — разметались по подушке. Её губы — приоткрыты. Её дыхание — ровное, спокойное. Она была — живой. Настоящей. Его. Он не хотел будить. Он хотел — запомнить. Каждую черту. Каждую ресницу. Каждый — вздох. Он стоял. Долго. Слишком долго. Потом — подошёл. Сел на край кровати. Тихо. Как человек, который боится разбудить — не её, а — себя.

— Октавия, — тихо сказал он. — Просыпайся.

Она открыла глаза. Медленно. Сонно. Посмотрела на него. Улыбнулась. Слабо. Едва заметно. Как человек, который знает больше, чем говорит. Как человек, который — ждёт.

— Пап? Рано же.

— Знаю. Прости.

Она села. Потерла глаза. Посмотрела на него. Внимательно. Как человек, который знает больше, чем говорит. Как человек, который — ждёт.

— Что случилось?

— Я уезжаю, — сказал он. — На пару дней. Может, больше. На север. Работа.

Она смотрела на него. Долго. Внимательно. Как человек, который знает, что он врёт. Но не говорит. Потому что не хочет делать большее. Потому что — любит.

— На пару дней? — переспросила она.

— Да. На пару дней.

— Ты уверен?

— Да.

Она молчала. Смотрела на него. На его глаза — усталые, но живые. На его руки — сильные, но дрожащие. На его — жизнь. Которая продолжалась. Назло. Вопреки.

— Хорошо, — сказала она. — Только вернись.

— Вернусь.

Он соврал. Он знал, что соврал. Она — тоже. Но никто не сказал. Потому что — любили. Потому что — надеялись. Потому что — жили.

Они завтракали вместе. Молча. Тихо. Живо. Она рассказывала о колледже. О друзьях. О планах. Он слушал. Смотрел на неё. Запоминал. Каждое слово. Каждую улыбку. Каждый — вздох. Он хотел запомнить — всё. Чтобы взять с собой. Чтобы не потерять. Чтобы — жить.

Потом — прощание. У двери. Она обняла его. Крепко. Сильно. Живо. Так, как обнимают, когда не верят словам. Когда верят — сердцу. Когда верят — вопреки.

— Я люблю тебя, пап.

— Я тоже. Я тоже.

Он поцеловал её в макушку. Отстранился. Посмотрел на неё. На её глаза — влажные, но не плачущие. На её губы — сжатые, но не дрожащие. На её руки — которые держали его. Которые не хотели отпускать. Которые — отпускали.

— Будь осторожен, — сказала она.

— Буду.

Он вышел. Дверь закрылась. Он стоял на лестничной клетке. Смотрел на дверь. На — всё. И думал: «Это — последняя встреча. Может быть. Может, нет. Может — никогда. Может — всегда». Он знал, что она думает иначе. Для неё — это не навсегда. Для неё — это пара дней. Для неё — это работа. Для него — это — прощание.

Он пошёл вниз. Медленно. Как человек, который идёт на суд. Как человек, который знает, что его ждёт. Как — всегда.

Часть III. Офис

Конор ждал у входа. Стоял. Смотрел на здание. На — «Феникс». На — прошлое. На — всё. Он был другим. Не тем, что в фургоне. Он был — собранным. Может, слишком. Может, — сломанным. Но — собранным. Он надел чистую рубашку. Побрился. Причесался. Он выглядел как человек, который собирается на войну. Как человек, который знает, что не вернётся. Как человек, который — готов.

— Ты опоздал, — сказал он.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.